

МАСТЕРСКАЯ

Театр опасен для слабых

О парадоксах актерского мастерства рассуждает Алла ДЕМИДОВА.

В чем соблазн и яд театра для зрителя, но главным образом для актера?

Соблазн, понятно, — это зрелище, которым можно насладиться, заглянуть к себе в душу, восхититься или ужаснуться увиденным, зарядиться эмоциональной энергетикой. Яд, может быть, и грех — привычка напряженно жить выдуманной, иллюзорной жизнью, которая часто много острее настоящей, будничной. Для актера это и создание в себе «паразитических» личностей — от Епиходова до царя Бориса; тщеславие как мотор карьеры, а отсюда недалеко до гордыни — одного из самых тяжких грехов христианской религии. Поэтому театр так опасен для слабых — он их перемалывает без остатка, только сильные личности остаются самими собой. Чем уникальнее по своей индивидуальности актер, тем типичнее и полнее он выражает свое поколение и время. В этом один из парадоксов сцены.

Актерский мир — среда особая, «чужаку» здесь многое покажется непонятным, надуманным, жестоким. Я помню, как одна заплаканная зрительница после кровавого финала «Гамлета» на Таганке зашла за кулисы и, увидев хохочущих Лаэрта, Клавдия и самого принца Датского (Высоцкий рассказывал какой-то анекдот), сказала с обидой: «Ну конечно, у вас, актеров, все легко...»

А когда актер играет спектакль после смерти близкого человека? (У Ронинсона умерла мать — он в этот вечер играл «Десять дней, которые потрясли мир», а когда мы похоронили Высоцкого, приехав с Ваганьковского кладбища, тоже играли спектакль.) Это что — жестокость? Или — «все легко»? Но ведь крестьянин после смерти жены идет задавать корм животным и работает по хозяйству. Сцена — хозяйство, которое нельзя бросить ни на день. Острота утраты не притупляется, но жизнь идет своим чередом. Домашняя хозяйка после смерти мужа с распухшим от слез лицом готовит детям обед, подметает пол, убирает комнату. Сцена — тот же дом, который нельзя оставить без присмотра. Казлдневная работа. Только несоответствия здесь резче, заметнее.

Граница «вымышленного» мира для актера — кулисы. На сцене он — персонаж. Поэто-

му, кстати, так важно выходить на поклонны в том образе, который играл. Постоянное внимание к своей внутренней жизни, рекомендуемое театальной школой, помогает сконцентрироваться на внутренней партитуре роли, а после спектакля — освободиться от сыгранного образа.

Иногда влияния роли нельзя избежать довольно долго. И тогда последующие будут непременно ею окрашены. После работы с Эфросом, например, после премьеры «Вишневого сада», я года два не могла избавиться от Раневской. Что бы я потом ни играла, на всех ролях был отпечаток этого образа. Я об этом знала и даже шла на это сознательно, иначе отойти от Раневской было бы труднее и мне пришлось бы и в жизни еще долго ее играть. А так в проходных ролях я как бы сбрасывала «старую кожу». Вот почему между большими ролями нужен перерыв. Обычно о проходных ролях говорят как о неудачах актера, но эти «неудачи» неизбежны. И потом — неудачи для кого? Для актера или для зрителя? Неудачи для актера — роли, которые не хочется играть уже после пятого спектакля... А неудачи для зрителя? Но ведь сколько зрителей — столько и мнений... (Хотя от неудач никто не застрахован.)

Чтобы подняться на другую вершину, нужно сначала спуститься с прежней. Этот «спуск» актерам не прощают. Единственное, что можно посоветовать: постараться, чтобы «спуск» не затягивался.

Почему же все-таки актеров раньше хоронили за оградой кладбища, говоря, что у них нет своей души, а есть иллюзорные души сыгранных ими ролей? Не понимали двойственности актерского существования? Актер — это вечное переплетение: я — образ и я — человек, наблюдающий за жизнью этого образа. И не в застывшей пропорции, а в постоянном распаде и синтезе, когда одно так сплетается с другим, что трудно отличить, где вымысел и где действительность. Знаменитое пушкинское «Над вымыслом слезами обольюсь»... Зато в этой неразрывной двойственности человек встает над своими страданиями, над своим счастьем и несчастьем, и тогда результат творчества становится понятен и виден всем. И мы говорим о Сопричастности.

моск. новости - 1999 - 23-30
марта - с. 28.